

Роман ВИКТЮК:

Любовь — это всегда магия

ОТКРОВЕННО

Культовый режиссер современной сцены, Виктюк начал практиковать театральные эксперименты еще в школе, распределяя роли среди одноклассников и друзей. Сегодня на счету «театрального радикала» более 120 спектаклей и десятки наград. 29 октября 2006 года Роман Григорьевич ВИКТЮК отмечает 70-летие. К празднованию своего юбилея он готовит премьеру — комедию «Масенькие супружеские преступления» по пьесе «Скиз» польской писательницы Габриэли ЗАПОЛЬСКОЙ.

- Роман Григорьевич, а почему «Масенькие супружеские преступления», откуда взялось такое любопытное название?

- У Пушкина есть «Маленькие трагедии». А я решил «л» зачеркнуть и наверху написать «с». И в этой замене есть некий шифр. Какой? Объяснить на словах это невозможно, чтобы понять, надо прийти в театр и посмотреть спектакль. Ну а слово «преступления» здесь, конечно, в кавычках. Потому что Запольская на все смотрела с улыбкой, и я во многом с ней солидарен.

- И какова же тема этой пьесы?

- Тема пьесы — брак, вернее, его маленькие тайны и большие секреты. Если сказать очень коротко, то две супружеские пары проводят несколько дней в украинском поместье. Мужика и Витольд — молодожены, а Лулу и Анатоля близки к серебряной свадьбе. Умудренная жизнью Лулу уверена, что брак сродни карточной партии, в которой главное — иметь на руках

побольше козырей. Она провоцирует остальных на безобидный флирт. Также не будем забывать, что пьеса Габриэль Запольской необыкновенно изящна и увлекательна. Мастерски выстроенная композиция и выразительные персонажи заставляют следить за сюжетом с неослабевающим вниманием, а диалоги героев, наполненные поистине польским шармом, подчас просто афористичны.

- В таком пересказе сюжет кажется достаточно банальным. Даже и непонятно: чем же он вас так зацепил?

- Да как же так можно говорить, не прочитав пьесу? Меня она поразила. Три восклицательных знака. Когда-то я ставил с Мариной Нееловой «Месяц в деревне» Тургенева. Мне казалось, что это уникальная пьеса о любовных взаимоотношениях людей разных возрастов, и я был уверен, что лучше и тоньше, чем уважаемый Тургенев, никто в это не проникнуть и выразить не сумел. Но когда два года назад я прочитал Запольскую, то ахнул, ведь оказалось, что весь опыт философии XX века, со всеми этическими и эстетическими открытиями — фрейдизм, экзистенциализм, садомазохизм и так далее — она предчувствовала и сумела выразить в начале прошлого столетия. Выразить, конечно, еще довольно робко, потому что в тот момент все это не стало нормой в литературе, философии, драматургии. Но она какой-то невероятной интуицией, прозрением новые веяния предвидела и

высказала с легкостью, без дидактики и назидания. В ее писаниях нет поучения, морали, а есть такой легкий ветерок, бриз. Габриэль была тончайшим лириком и тончайшей ведьмой. Она очень тонко понимала, в чем невозможность сойтись двоим. Почти нереально, в ней была такая тоска и боль...

- Да, когда-то давным-давно так все и было, а сейчас не кажется ли вам, что любовь и семья строятся на расчете? Недаром все более и более в моду входит брачный контракт.

- Правильно, вот это и есть цинизм нашего времени. То, о чем ты говоришь, — это трагедия плоти и приближение к смерти. А Габриэль кричит о том, что надо тратить сердце, она говорит о том, что дает продолжение жизни, помогает ей расти. В наше время цинизма, фантома денег, злобы и ненависти чистая скрипичная нота, мне кажется, необходима как напоминание о том, для чего человек на земле существует.

Москве, Ленинграде, Киеве. Все зависит от того, есть ли среди тех, кто приходит в театр, люди с тонко чувствующим сердцем, которых я называю эмоциональное меньшинство. Их меньше, чем всех прочих, но именно они, я верю в это, и определяют движение вперед всего человечества. Как евреи говорят, что в каждом поколении есть тридцать три мудреца, так вот это эмоциональное меньшинство имеется в любом времени, и они между собой общаются не вербально, на непонятном для меня уровне. Несмотря на то, что у нас в России эта тонко чувствующая прослойка сохранилась лучше всего.

- Но с другой стороны, театр сейчас занимает совсем иное место в общественной жизни, ведь прежний театр был «гласностью в темноте». Гасили свет, и люди слушали то, что хотели слушать. И это было, конечно, объединяющим моментом. А сейчас, когда можно говорить

мои зрители должны понять и почувствовать, что любовь — это сумасшествие или даже своего рода болезнь. Как сказал великий немецкий романтик, писатель-фантаст Гельдерлин: любовь невозможно постичь только в безумии. Только в безумии, потому что любовь не имеет нижнего психологического пласта. Она гораздо выше. И в ней присутствуют магия и колдовство.

- А вы на безумство ради любви способны?

- Конечно, а как же можно без этого? А как же иначе работать в театре. Но, конечно, это безумство в метафизическом смысле. Не во врачебном, потому что тогда надо изолировать, а в иррациональном смысле.

- Рассказывают, что вы видите вещие сны, это правда?

- Самый главный сон приснился мне в 13 с чем-то лет. Будто бы я приезжаю в город, вижу три колонны, маски... И приоткрытую дверь справа. Меня назначают глав-

ко Дню Советской Армии. Я выбрал фрагмент из «Фронта» Корнейчука, где все офицеры ползают в окопах в пыли и грязи. После спектакля меня оставили в покое...

- Ваш путь к успеху начался в Москве, а как вас встретила столица?

- Все зависит от того человека, который тебя первым встречает в Москве. Мне в этом плане очень повезло. У меня так получилось, что документы и вещи приехали на один вокзал, а я — на другой. И когда вышел на перрон, у меня не было ни паспорта, ни чемодана, а только деньги, зашитые в штанах со стороны подкладки. По справочной 09 я узнал телефон ГИТИСа. Там трубку снял проректор по хозяйственной части, которому я рассказал, что звоню с Киевского, что приехал поступать и с собой никаких вещей, и спать мне негде. И он не послал меня к чертовой бабushке, как сделал бы скорее всего кто-то другой, а помог устроиться в общежитие. Так

что и где угодно, это почти исчезло.

- Да, сейчас все говорить можно, но одиночество... Одиночество — оно же не исчезло, а только усилилось. Согласись, чем больше людей в толпе, тем более они одиноки. Например, в Америке есть дома с прозрачными стенками, где все друг друга видят, но они настолько изолированы и так одиноки. В наши дни люди все больше и больше разъединяются, и театр — одно из немногих мест, где во время спектакля одинокие ощущают, что у них бьется сердце и они живы. Потому что при одиночестве царит только культ материальных ценностей. Все думают только о том, кто сколько положил в кармашек или на банковский счет. В толпе царит прагматика вместо чувства сопричастности и радости общения.

- Я обратил внимание, что слово «одиночество» вы говорите довольно часто, а значит, вы и себя ощущаете одиноком?

- Есть одиночество нижнее, материальное, и то, которое имеет отношение к высшему космическому измерению. Это совершенно различные понятия. Но последнее дает ощущение причастности к той жизни, которая длится вечно.

- Многие ваши постановки посвящены прежде всего все-таки любви. Скажите, а что для вас означает слово «любовь»?

- Ответ на этот вопрос не смогу дать никто, и безумен будет тот, кто попытается это определить, я думаю,

ным режиссером. Вот и все. Прошло время, и я приезжаю в Вильнюс, иду по главной улице Ленина, поворачиваю направо и замираю... Дом из моего сна! И дверь, которую не открывали, даже когда там был капитальный ремонт... А тогда она была открыта. Дверь из моего сна. И я решил, что это плохой знак, убежал, пытался улететь, но билетов не было. И я остался! И в Вильнюсе четыре года руководил театром. И меня любили...

- Первый свой спектакль вы помните?

- Свой первый спектакль я поставил в детстве. Это была «Пиковая дама». Мою постановку смотрели все соседские ребята. Тогда я впервые почувствовал, что должен вывернуться из толпы и занять место впереди. В 13 лет я впервые попал в пионерский лагерь под Киевом, и меня в нем воспринимали как «бандеровца». Ко мне было негативное отношение. И я призвал на помощь театр. Собрав детей, я поставил спектакль, который всем понравился. Дочка директора лагеря в меня влюбилась. И меня оставили в лагере на вторую смену бесплатно. После школы я работал в театре и на телевидении, все во Львове меня знали в лицо. А в армии я так читал присягу, как будто играл «звездную» роль. Командир полка, услышав это, приказал: «Каждый раз, когда солдаты будут принимать присягу, первым должен выходить он». Я эту клятву прокричал около сорока раз. Потом меня попросили поставить спектакль

прошел мой первый вечер, а за ними и годы обучения в ГИТИСе. И этот проректор, его фамилия Тихонов, далеко не молодой человек, с седыми волосами, он меня четыре года обожал: настолько потрясен он был ребенком со светлыми глазами, который приехал из бандеровской Украины в шотландской рубашке и брочках с желанием стать артистом.

- Да, но на вас долгое время было клеймо антисоветчика, поэтому вы жили очень бедно и долгое время у вас не было своей квартиры.

- Я действительно скитался по коммуналкам. Но в конце 90-х мне досталось наследие... Сталина. Я живу в квартире сына Сталина — и это мый большой абсурд в моей жизни, который можно представить. До сих пор не могу избавиться от страха, что из квартиры меня вот-вот выселят, хоть она и приватизирована. Я и планировку переделал, но ощущение, что я здесь временно, живет во мне категорически. У меня один балкон выходит во двор Думы, а второй смотрит на Кремль... Поэтому они через мой двор часто проезжают. Собака Анатолий Александрович, когда был депутатом, проезжая с супругой мимо моего дома, всегда сигнализировал. Я выходил на балкон, и мы общались. Он — из машины, я — с третьего этажа. Так что все нормально!

Александр СЛАВУЦКИЙ.
Фото ИТАР-ТАСС / ИД РОДИОНОВА.

ПОЧИТАЕМ!
Альберт Рус Вильямс. «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917 - 1918». Издательство «Центрополиграф». Американский журналист Альберт Рус Вильямс с энтузиазмом воспринял идеи и дух русской революции. Он был лично знаком с Лениным, Бухариным, Троцким, стал очевидцем и активным участником многих сражений в дни Октябрьской революции. В книге он рассказывает о своих впечатлениях от путешествий по обгоревшей земле Гражданской войны России. До конца жизни он оставался другом Советского Союза.

